

Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского

Отдел читальный зал

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН
ПИСАТЕЛЬ
КРИТИК
ЖУРНАЛИСТ

Информационный обзор

Благовещенск,
2013

Владимир Березин. Писатель. Критик. Журналист : информ. обзор / Амур. обл. научн. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2013. – 24 с.

Вашему вниманию представлен краткий обзор жизни и творчества писателя, критика и журналиста Владимира Сергеевича Березина – участника IV фестиваля «Российско-китайской ярмарки культуры и искусства».

Данный материал представляет личность писателя, знакомит с основными вехами его биографии, определяет значимость его художественных и публицистических произведений.

Предлагаемые материалы предназначены для широкого круга пользователей: библиотечных работников, преподавателей, учащихся, читателей, интересующихся состоянием современного литературного процесса в России.

Составитель: В. В. Соломенник

Ответственный за выпуск: О. С. Праскова

Верстка и дизайн: М. И. Гнускова

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ БЕРЕЗИН И ЕГО ТВОРЧЕСТВО

Владимир Сергеевич Березин родился 26 ноября 1966 года в Москве в семье служащих. В 1989 году окончил физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, занимался математическим моделированием геофизических процессов. В 1997 году – Литературный институт. Учился в Кельнском университете, в 1997 году защитил магистерскую диссертацию по экономике и преподаванию бизнес-дисциплин (CDG, Кельн – Москва; 1997). Долгое время занимался преподавательской деятельностью. С 1989 года публикуется как ученый-математик, с 1994 года – как критик и эссеист.

В 1995 году дебютировал как писатель с циклом рассказов «Кормление старого кота» на страницах журнала «Новый мир». В 1998–2003 годах работал журналистом и литературным критиком в газете «ExLibris НГ» (приложение к «Независимой газете») и газете «Книжное обозрение». Владимир Березин – автор множества публикаций, в особенности посвященных проблемам массовой литературы. Публикует прозу, критику и эссеистику в литературно-художественных журналах «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», «Дружба народов». Печатается в литературно-просветительском журнале «Литературная учёба». В 1997 году опубликовал в «Знамени» роман «Свидетель». Отдельной книгой это произведение вышло в 2001 году.

Лауреат премий: журнала «Новый мир» (1995), Общества им. Н. М. Карамзина (1996; Цюрих), фонда журнала «Знамя» (1998 – за роман «Свидетель»), «Золотой кадуцей» фестиваля «Звездный мост» (Харьков, 2000; за критические работы), Тенёта-Ринет (2002), имени В. Одоевского (2008). Березин занял третье место на Всероссийском конкурсе на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру» (сезон 2012–2013 гг.) в номинации «Познавательная литература» за роман «Последний мамонт».

Владимир Березин – автор полутора десятка книг прозы и non-fiction. Большинство его произведений относятся к жанрам: «современная проза», «научная фантастика» и «фэнтези». Переводился на английский, немецкий, французский, китайский, польский, сербский и норвежский языки.

В одном из интервью Березин сказал, что является поклонником советской литературы двадцатых годов XX века, русской бани, соевых грибов и безмятежного сна.

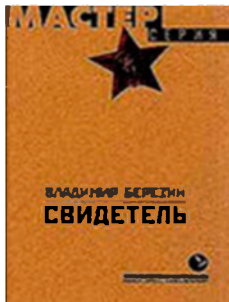
Живёт писатель в Марьиной роще в Москве. Ведет блог: berezin.livejournal.com

Как заметил С. Костырко: «Проза Владимира Березина не может не вызывать в памяти имена Хемингуэя, Виктора Шкловского, отчасти – Юрия Казакова, отчасти – авторов исповедальной молодежной прозы шестидесятых годов». Березин пишет про себя – «я обозреватель. Обозреватель всего». Это очень точное описание его стиля и манеры. Он действительно интересуется всем. Он действительно способен на широкий охват и обобщение.

На торжественной церемонии вручения премий фонда литературно-художественного журнала «Знамя» Владимир Березин сказал: «...я не писал литературный сюжет. Мне были интересны не герои, а состояния. Мелкие, частные темы – запахи, звуки. Поэтому я рассказываю много музыкальных историй, историй ни о чём, которые сдерживаются сюжетом, только похожим на литературный». Писатель признаётся, что ему «интереснее всего именно мозаичная картина времени, <...>, фasetочная картина, где одновременно движутся тысячи историй. Некоторые из них похожи, некоторые уникальны, но все они частные».

И далее: «Частные судьбы и страдания всё равно остаются тайнами. Война есть только состояние, неотделимое от обычной жизни, котором сосредоточивается бессмысленность этой жизни. Собственно о ней, только о ней говорить неинтересно. Гораздо интереснее говорить о частных судьбах, о сложной системе их взаимодействия. Взаимодействия почти симфонического. Поэтому неумолима череда превращений сотен людей, движение их жизнью, движения начисто лишённое, – вот что было и остаётся для меня самым интересным» («Знамя», 2000, № 3).

По мнению С. Костырко, «роман “Свидетель” – римейк классического образца литературы “потерянного поколения”». Повествователь Березина, молодой писатель, бывший кадровый военный с опытом нынешних «локальных конфликтов» (Абхазия, Чечня, Югославия), кочующий с одной временной квартиры на другую, меняющий одну случайную работу на другую, одну компанию полужнакомых знакомцев на другую, по-

степенно теряющий друзей (кто-то уехал, кто-то погиб), наконец, теряющий в финале любимую, – занимается трудной и жизненно необходимой работой – осознанием того, как и в чем меняет сознание современника непосредственный опыт нынешних войн. Таким образом, роман вполне «хемингуэвский».

У Шкловского Березин учится способам сопряжения в прозе несопрягаемых образов и понятий. Используемые автором приёмы позволяют ему обращать свое – лишенное жесткого сюжетного каркаса, написанное с нарушением хронологии, сочетающее прямое высказывание с изображением – повествование в художественное целое.

Упомянутая школа исповедальной прозы шестидесятых предоставила автору средства для выражения открытого лирического чувства, для изображения самого процесса проживания мысли.

Но можно с уверенностью сказать: Березин не подражает, он – продолжает начатую до него работу.

Военная тема всегда была значима для русской литературы – не в силу её, литературы, особой воинственности, а как раз наоборот: потому что помогала понять природу человека, выявить силы добра, могущие противостоять злу.

Одна и ведущих тем творчества Березина – война. И его можно было бы назвать военным прозаиком, если бы само словосочетание «военная проза» не было сегодня так скомпрометировано писателями второго и третьего ряда, с помощью кровотокающего материала отстаивающих свои авторские и политические амбиции.

Сегодняшние войны мы наблюдаем и переживаем, можно сказать, в реальном времени. Телевидение сделало нас непосредственными свидетелями бомбежек Грозного, штурма в Буденновске и Кизляре, позволило заглянуть в ямы, где содержали заложников, и т. д. В подобном информационном контексте даже удавшиеся художественные фильмы или романы выглядят неуместной беллетризацией все еще дрящущегося на наших экранах сюжета.

Для большинства из нас война в литературном произведении – это всегда где-то далеко или давно. И дело не только в нашей душевной инфантильности, в расслабленности «мирной» жизнью – художественное осмысление войны всегда требует дистанции. Требуется сложившейся мысли и последующего художественного «выбраживания» этой мысли.

В русской литературе последним полноценным произведением о войне был роман Олега Ермакова «Знак зверя», впервые опубликованный в 1992 году в № 6,7 литературно-художественного журнала

«Знамя». Кроме таланта писателя и значительности его мысли сыграла роль и специфика материала – то была война далекая: другая страна, другой язык, отчасти смешение времен (советские солдаты, пришедшие из XX века, воевали с народом прошлого или позапрошлого столетия) и, наконец, предельная скупость информации. Всё это укладывало использованный Ермаковым материал в тот ряд, в котором воспринимается нами жизненная основа романов Хемингуэя или повестей Василя Быкова.

И вот появляется книга, со страниц которой зазвучал хорошо знакомый нам голос – голос современника, можно сказать, голос одного из нас, живущих сейчас и здесь. И при этом голос странный, и мир, который он видит вокруг себя, не вполне наш. Это мир, увиденный вразумленными войной глазами. Войной, которая очень близка, – в принципе, любой из нас мог оказаться в такой командировке, которая описана в романе: герой едет в Грозный собрать информацию о нефтехимических предприятиях, останавливается у чеченца, работающего на московскую нефтяную фирму, и проживает страшную ночь в квартире, где окна заставлены шкафами. Ночью в квартиру начали ломиться неизвестные, но, как понимает герой, вполне ожидаемые гости: «Давно я не видел, чтобы у человека так быстро менялся цвет лица. Оно было не просто бледным, а зеленовато-серым... Вот сейчас нас будут убивать». Герой слышит молитву русской жены чеченца, как о высшей милости просящей Бога, чтобы малых детей и ее убили сразу, не мучили, не глумились. Это Чечня. Ну а воинов «нашей войны», внутренней, коротко стриженных «овальных молодых людей», лениво переминающихся у шикарных машин возле нефтяных и прочих офисов, молодых людей, не снимающих пиджаков в любую жару, потому что под пиджаком оружие, – этих воинов мы видим практически каждый день.

В романе Березина война почти не имеет военной экзотики. Она не отодвинута куда-то далеко – нужно только иметь мужество смотреть и видеть то, что уже давно перед нашими глазами. И даже описанный в романе эпизод «отдаленной» югославской войны – смертельно раненная молодая женщина с залитым кровью лицом, лежащая на дороге рядом со своей разбитой видеокамерой, – вызывает у нас ассоциации с точно таким же эпизодом бессмысленного убийства женщины-корреспондента на одном из блокпостов в Чечне. То есть это война, уже ставшая чуть ли не бытом.

Живя на зимней даче у друга, герой перечитывает высказывания древних о сути войны: «Автор считал, что войны ведутся ради заключения мира. „Как бы не так, – думал я, читая, – как бы не так. Это в твоё время, может... А сейчас они ведутся для того, чтобы просто воевать”». Персонификацией духа войны для героя являются берсеркеры – их бессмысленная неукротимая жажда убивать, крушить, отменяющая даже инстинкт самосохранения, «они продолжали убивать после боя, потому что не могли остановиться». Война «страшна и лишена смысла. Нас учили, не жалея денег, побеждать, и вдруг мы увидели, что в войне победить невозможно». В войне, которая идет сейчас, «нет правых, а виноваты все». Герой вспоминает своего югославского друга Геворга, воевавшего у себя дома за свое с такими же, как и он, югославами, тоже уверенными, что они у себя дома воюют за свои исконные права. Геворга убили фактически на глазах повествователя. Потом надругались над его телом. Автор не уточняет, на чьей стороне воевал Геворг, и отсутствие такого уточнения принципиально для повествователя. Потом, когда селение займут соратники Геворга, на улицах будут валяться трупы тех, кто его убивал, с – это важная деталь – «вывернутыми карманами».

В этих бесконечных «локальных войнах», по которым ведет армейская судьба героя романа, он уже не ищет правых и виноватых. Война здесь представлена как нечто самодовлеющее, самовоспроизводящееся, отвечающее тому темному, что существует в человеке. «Государства хранят вечный мир, воюют только люди, только люди несут ответственность за будничную кровавую возню. С благословения или без, они начинают улучшать жизнь, взяв в руки оружие... история эта вечна, скучна, она повторяется с точностью до запятой, уныло ведя счет истребленным. Война гудит, как судно в тумане, ее не видно, но она идет рядом. Не спрашивай о колоколе, он устал звонить. ...Начала у войны нет, есть только продолжение». «Отчаявшимся свидетелем оставляла меня эта летопись будничных войн». Вот единственно возможная для героя позиция на войне – быть свидетелем. Видеть, понимать и хранить увиденное и понятое. И соответственно писательство, которым занимается герой романа, не только акт психотерапии, это еще и некая миссия. «Я писал очевидные вещи, которые до меня повторяли сотни людей, но ведь должен кто-то повторить это сейчас» (и, добавим от себя, должен, как Березин, иметь право повторить это). Позиция свидетеля неизбежно предполагает одиночество. Военный опыт и осмысление его опреде-

ляют дистанцию между повествователем и окружающими его мирными согражданами. Одиночество героя похоже здесь на одиночество зрячего среди слепых. Одиночество – как образ жизни. Герой нигде не чувствует себя своим.

Обаяние и сила прозы Березина заключается в обостренном ощущении значимости и самооценности – и одновременно включенности в некий метасюжет – каждого отдельного впечатления, пережитого повествователем, каждой зачем-то показанной ему картины, каждой промелькнувшей мысли. И метасюжет этот можно постичь, только записывая, фиксируя, собирая из частных то целое, о котором не дано знать заранее даже ему, формально считающемуся автором. Вот эта «открытая читателю» работа над постижением того, о чем, собственно, и пишется, сплавляет разнородный материал романа «Свидетель» в единое повествование гораздо прочнее и надежнее, нежели сама фабула. Внешний сюжет, пунктирно прочерченный в повествовании, разумеется, связан с внутренним, но в гораздо меньшей степени, чем можно было бы предположить. Перед героем, скитающимся по Крыму, вдруг возникает из общего их военного прошлого офицер Чашин («убийца Чашин», как называет его автор) и предлагает герою подумать о работе на него, Чашина. Там же, в Крыму, завязываются отношения героя с Анной. Не дожидаясь повторного появления Чашина, герой уезжает в Москву. После многомесячных работ на случайных местах герою вдруг везет: его берут менеджером в какую-то непонятную нефтяную контору, предоставив сравнительно вольный режим работы и возможность ездить по стране. В конце концов, герой оказывается в длительной командировке в Германии, где и находит исчезнувшую из его жизни Анну. Счастье их длится недолго, Анна гибнет в автомобильной катастрофе, а перед героем снова появляется Чашин, но уж не с уговорами, а требованиями: или герой соглашается работать на Чашина, или с ним будет то, что произошло с Анной. И вот здесь герой лишается своей тщательно охраняемой позиции наблюдателя – он отказывает Чашину, а потом садится в машину, чтобы догнать уехавшего Чашина и убить его. Через несколько часов погони герой романа видит на шоссе расстрелянную вместе с хозяином машину Чашина и понимает, что в той войне, в которой участвовал Чашин, обошлись без него. В финале произведения герой начинает путь домой, в Россию.

В рецензии на роман «Свидетель» С. Костырко пишет: «... в романе только два героя: повествователь и Мир Вокруг Повествовате-

ля, персонифицированный в фигурах друзей, знакомых, любимых и т. д.». Удался Березину и женский образ. На месте Анны в романе написано, по сути, некое свечение женственности, преданности, любви, осторожно обведенное контуром, – минимум сведений о внешности, характере, образе жизни. Автор предпочел сосредоточиться на описании того душевного состояния, которое у героя вызвало появление Анны. И это получилось художественно убедительным. Такая особенность писательской манеры от-refлектирована в тексте самим автором: «Все сводилось к определенным типам, и типы эти были немногочисленны. Старик, женщина, друг и враг, хоть все они были с разными именами. В середине этого был я. И я был частью каждого из них».

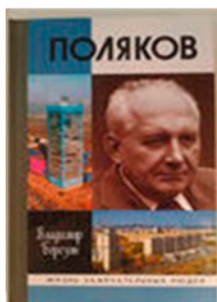
В книге «Свидетель», представляющей новейшую русскую прозу показана война. Война – современная, бессмысленная и беспощадная война, которой занимаются все, перемещение в пространстве и внутри себя, смещение географических координат и неожиданное притяжение детали.

Значительную часть произведений Владимира Березина составляют рассказы. В рассказах Березина о любви, даже любви счастливой, всегда больше горечи, чем открытости напору и радости жизни. Короткий рассказ «История про Бунина» удерживает эту горечь, так сказать, сюжетно, это рассказ-воспоминание о давней любви: «Беззащитный запах волос, подтянутые к животу колени – все выдавало в ней ребенка, хотя мы считали друг друга совсем взрослыми». «Я успел подумать, что любовь – это воровство, она вне закона...». «Через два года она уехала, а еще через год ее и случайного попутчика, сидевших в автомашине у бензоколонки близ Назарета, расстрелял в упор, прямо через ветровое стекло, какой-то палестинец». Хотя ходят слухи, что кто-то видел ее живой в метро, а кто-то на автобусной остановке. Повествователя не отпускает ощущение, что они еще встретятся. Где-то. И, может, потому в ожидании этой встречи так тщательно он воспроизводит в памяти и хранит все, связанное с давней любовью.

В рассказе «До Коломны и обратно» повествуется о любви счастливой, которой ничего не грозит, но и здесь та же судорожная напряженность – запомнить, задержать, записать, ничего не упустить, как будто предчувствие конца не отпускает героя даже в самые счастливые моменты. «И опять мы были вместе, думал я, и пока все идет хорошо».

Сюжет рассказа «Читатель Шкловского», довольно прост: герой-повествователь едет на дачу – сначала в метро, потом в электричке, а потом снова в электричке, но уже домой – и при этом записывает увиденное: внешность и повадки случайных попутчиков, «приближающуюся, проседающую и клюющую носом при торможении» электричку, «милиционера с оскорбленным лицом», керамический декор станции метро. Он параллельно читает «Zoo» Шкловского и вспоминает свою работу в зоопарке, апрельский снег, баррикады в августе 1991 года прочее. Случайные, по видимости, впечатления и мысли уже самим фактом, самим процессом отбора и записывания как бы выделены рампой, – не теряя абсолютной достоверности и сиюминутности, они приобретают собственный вес, нагружаются художественным смыслом. По сути, герой записывает самого себя в эти мгновения. Само течение жизни, проходящей сквозь него.

Отъединенность повествователя определяет (и в романе, и в рассказах Березина) необыкновенно острое проживание, казалось бы, самых обыкновенных вещей – первого снега в Москве, случайной музыки в метро, соскочившей с подножки троллейбуса девушки. Острота и глубина переживания здесь – оборотная сторона собственного автору ощущения зыбкости пролетающего мгновения. Вечность только в нас, а не вокруг, каждый должен выстраивать ее сам в каждый миг.

Книга Владимира Березина «Поляков» серии ЖЗЛ представляет собой добротное документальное повествование о жизни и деятельности Виктора Николаевича Полякове (1915–2004), министра автомобильной промышленности СССР, первом генеральном директоре АвтоВАЗа, крестном отце «Жигулей» – знаменитой «копейки» (копии) итальянского «Фиата» 1967 года.

В книге «Диалоги. Никого не хотел обидеть» собрано порядка тысячи почти ежедневных, преимущественно абсурдистских этюдов автора дневника, причем не всех, а тех лишь, что либо сами по себе, либо вместе с возникающими в комментариях пикировками подпадают под означенный жанр – диалоги. По мысли А. Штыпеля, ««Диалоги» – книга сугубо

блоггерская, ориентированная на определенный, сложившийся круг общения – со своими и лишь для «своих» понятными «паролями» – складывающимися, впрочем, в достаточно целостную и потому в какой-то мере поддающуюся расшифровке «со стороны» систему».

Книга выполнена в форме диалогов (автора с невидимыми собеседниками). Каждый диалог – это юмористическая или философская миниатюра, мини-эссе, развернутый афоризм. В предисловии автор благодарит своих виртуальных собеседников (по Живому Журналу), с которыми он эти самые диалоги и вёл. Среди собеседников – известные в рунете и за его пределами писатели, переводчики, литературоведы, художники и так далее, и так далее.

Подзаголовок книги – «Никого не хотел обидеть» – намекает, вроде бы, на то, что всем тревожным людям, даже и не знакомым с автором, нужно срочно прочитать то, что он написал и найти оскорбительные для себя пассажи. Найти, конечно, можно всё, но подзаголовок является всего лишь творческой переработкой традиционной фразы, которой Владимир Березин (berезin) завершает все свои записи в Живом Журнале – «Извините, если кого обидел».

Владимир Березин – один из самых интересных современных фантастов.

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра. Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитой саги. Приключения героев на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду.

Книга Владимира Березина «Путевые знаки» написана в жанре боевой фантастики серии «Метро 2033». Его «Путевые знаки» – первая и главная книга цикла «Вселенной Метро 2033».

Большой Катаклизм поразил всё живое на планете. Люди ушли в подземелья – в метро. Но есть ли выжившие за пределами московского метрополитена? Или москвичи – единственные продолжатели людского рода на земле? Главный герой отправляется вместе со своими компаньонами

в Санкт-Петербург в поисках путевых знаков и с надеждой найти жителей питерской подземки. Они находят сломанный учебный самолет ЯК-18, чинят его и отправляются на север – открывать судьбу Петербурга и его метро. Читая «путевые знаки» вы узнаете, выжил ли кто-то за пределами МКАД и поймете, на что похожа северная столица после ядерной войны. Книга совсем не похожа на «Метро 2033» Дмитрия Глуховского, полна размышлений, метафор, аллюзий.

По словам Дмитрия Глуховского : «Владимир Березин – один из самых интересных современных фантастов. Его «Путевые знаки» – первая и главная книга «Вселенной Метро 2033». Ее герои выберутся наконец за пределы Метро и выяснят судьбу Петербурга... Читал – не мог оторваться!». «Метро 2033» писателя и критика Владимира Березина – очень необычный роман. Я решил начать серию именно с него, потому что Березин знает толк в хорошей фантастике и потому что книга получилась очень увлекательной».

«Путевые знаки» – эпос, восходящий к «Илиаде» и «Одиссее», история о великом и опасном путешествии и внутреннем преображении героя, не больше и не меньше».

Произведение «Путь и Шествие» представляет собой подборку из трёх тематически связанных повестей, причём одна из них, «Путешествие за Золотым Сруном», отчётливо нереалистическая. В этом произведении Березин обыгрывает известный древнегреческий миф о Ясоне и его спутниках, отправившихся в далёкую Колхиду. «Как аргонавты в старину, покинув отчий дом...» Можно, впрочем, воспринимать эти повести и как некий триптих, мини-трилогию, благо персонажи сво-

бодно переходят из одного текста в другой, да и композиционно вещи схожи. Три истории о странствиях, собранные под одной обложкой, ценны не тем, какие препятствия преодолевают герои на пути к цели, а тем, какие беседы ведут в дороге и как свободно перескакивают с одной темы на другую. Владимир Березин, блестящий стилист и человек энциклопедических знаний, тасует классические сюжеты, словно карточную колоду: тут вам и путешествие в Телемскую обитель из «Гаргантюа и Пантагрюэля», и «Москва-Петушки», и странствия аргонавтов. Произведение написано легко и увлекательно – если диалог с умным, ироничным и начитанным интеллектуалом привлекает вас больше, чем беспрерывный экшен.

М. Галина считает, что роман «Путь и шествие» является сборником сюрреалистических путевых новелл, перемежаемых не менее сюрреалистическими диалогами любимого авторского персонажа симпатичного резонера Ивана Синдерюшкина, являющегося альтер эго самого автора».

Из читательских откликов на «Путь и шествие»: «Герои парадоксального романа «Путь и шествие» постоянно движутся, а в минуты редких привалов рассказывают друг другу то смешные, то трагические истории, одновременно попадая в ситуации не менее смешные или трагические»; «По мотивам произведений Франсуа Рабле и осмыслившего его М. Бахтина. Художественное исследование литературного дна, «низа», и феномена сегодняшнего дауншифтинга, на собственной шкуре испытанного героем»; «Своеобразное переложение путешествия Алисы Льюиса Кэрролла, написанное в духе баск о советском интеллигенте, который вышел из подъезда московского дома за хлебом, столкнулся с друзьями и... поехал в Крым»; «В каждой главе березинского текста рассыпано столько изящных метафор, прихотливых гипербола, стилистических выкрутасов, скрытых пародий и тонких культурных аллюзий, что читатель-гурман будет рад всему этому роскошеству безмерно»; «Парадоксальный роман. Роман-движение, путешествие, путь и шествие в буквальном смысле слов: герои все время движутся, а герой – шествует от одного привала сюжета к другому, в иносказаниях сюжета и авторских этюдах между делом.

Герой – это Франсуа Рабле, величайший европейский писатель эпохи Ренессанса. А герои – молодые люди, выбравшиеся из Москвы в спонтанное до безумия путешествие... Москва, дорога к морю, море, и снова на родину. А в промежутках – истории из первых уст, истории и смешные, и трагичные»; «Роман Владимира Березина «Путь и шествие» – своеобразный роман-притча, пропитанный явными и завуалированными цитатами из классики. Аллюзии и фрагменты из Гоголя, Пушкина, Льюиса Кэрролла и других известных сюжетов объединены мотивами произведений Франсуа Рабле».

Бесспорно, книгу «Путь и шествие» оценит и читатель с хорошим чувством юмора, и любители классики – в произведении много цитат (иногда тщательно замаскированных) из Гоголя, Пушкина, Льюиса Кэрролла и других знаменитых писателей. Чем больше осведомлен читатель, тем интереснее ему будет читать «Путь и шествие».

«Птица Карлсон» – замечательная книга пародий и одновременно доказательство того, что текст мировой литературы един. Она представляет собой очень интересное, забавное собрание миниатюрных сочинений. В книге три части, каждая из которых по-своему уникальна. В первой части рассказывается великолепная история Малыша и Карлсона, представленная в удивительной юмористической трактовке. Во второй части собраны описания известных фантастов, а третья – настоящая пародия на жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне. Все герои связаны между собой и Фрекен Бок вполне может обернуться старухой-процентщицей, а сам Карлсон – Беней Криком. Но тут в рассказы из жизни множества разных Карлсонов вплетаются невероятные биографии писателей-фантастов и уже совершенно сумасшедший дневник писателя, проживающего в Ясной Поляне и выходящего с косою к курьерскому поезду.

Прижились бы Малыш и Карлсон в Эльсиноре? А в русской дворянской усадьбе XIX века или Метрополисе, где совершает свои подвиги Супермен? Достаточно ли они архетипичны, чтобы вписаться в канву любого классического сюжета? Об этом в цикле рассказов, составивших костяк сборника, размышляет писатель Владимир Березин.

«По мнению Борхеса – ну куда от него не денешься! – существует всего то ли три, то ли четыре истории. Остальное – более-менее точные и сложные «вариации на тему», версии канона. Владимир Березин пошёл по пути редукции ещё дальше аргентинского классика. В цикле рассказов «Птица Карлсон» он не столько доказывает, сколько показывает, что вся мировая литература – не что иное, как одна-единственная история. Потянешь за ниточку – размотаешь целый клубок. О чём ни начнёшь рассказывать, хоть бы и о Карлсоне с Малышом, тут же всплывают и Гамлет, и Чичиков, и Маленький Принц, и Шерлок Холмс... Герои Джойса и Кафки, Набокова и Толкина, Хемингуэя и Салтыкова-Щедрина – все они присутствуют в любой настоящей истории, если не явно, то хотя бы в подтексте.

Суть эксперимента Владимира Березина в том, чтобы выявить эти скрытые связи: в его цикле Малыш и Карлсон путешествуют по страницам мировой классики, от «Жизни и удивительных приключений Робинзона Крузо» до «Дракулы», примеряя разные маски и свободно осваивая разные речевые манеры. Значительная место в этой части

книги занимают весёлые стилизации-пародии на материале культовой сказки Астрид Лидгрэн, забавные литературные гибриды: Карлсон – основатель Киева, Карлсон и майор Пронин, Карлсон – герой «Последнего дюйма» Олдриджа и т.д.

Тот же весёлый карнавал продолжается и во второй части сборника – «Конвент», – в подборке баек якобы из жизни современных фантастов. Эта часть книга посвящена фэндому – яркому, смешному и симпатичному сообществу отечественных писателей-фантастов и так называемых «фэнов», раз в году собирающихся на литературную встречу-конвент. Реальные писатели и критики, превращаются в гротесковых, трагикомических персонажей, многие из которых имеют легко узнаваемых прототипов «из классики». Тут опять срывается эффект узнавания, но другого рода: мы узнаём не стили и литературные произведения, а персонажей, причём тот, кто знает поименованных персонажей лично, наверняка получит от чтения гораздо большее удовольствие, чем человек посторонний.

В итоге, перед нами произведение яркое и остроумное, требующее от читателя определенной (но отнюдь не запредельной) эрудиции и вкуса. Ну а для тех, кто не склонен искать скрытые подтексты и смыслы, – просто занятная литературная «угадайка». Тем, кто любит неординарные произведения, роман «Птица Карлсон» станет отличным подарком.

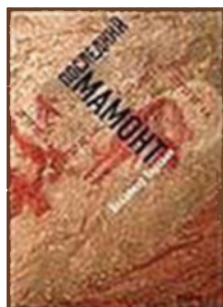
Подобно «Хазарскому словарю» Милорада Павича, «Птица Карлсон» существует в мужской и женской версиях.

В романе «Группа Тревиля» несколько однокурсников-биофизиков встречаются спустя много лет после окончания университета. Судьбы их скрещиваются на территории Зоны, где сплетаются прошлое и настоящее, смертельная опасность, любовь, надежды на науку будущего и воспоминания об уничтоженной исследовательской группе, которую когда-то собрал их научный руководитель по прозвищу де Тревиля.

Тогда они были молоды и носили мушкетерские имена, мир касался простым и понятным, а сейчас на зыбких болотах Зоны уже нельзя понять: кто друг, а кто враг.

В издательстве Paulsen вышла книга Владимира Березина «Последний мамонт». Книга заявлена как научно-фантастическая для подростков 14–16 лет. Это повествование о советском палеонтологе,

бывшем офицере, отправившемся в путешествие длиною в жизнь. Он ищет след последнего мамонта. Меж тем в его судьбу вплетаются судьбы подводников Третьего рейха, русских полярников, геологов и солдат. Эта книга – одновременно и приключенческий роман, и краткий справочник о жизни мамонтов, и повествование о загадочном государстве «Дальстрой». Поиски последнего живого мамонта становятся смыслом и целью жизни главного героя книги. В конце концов, его мечта

о встрече с этим удивительным животным сбывается.

В ткань повествования вплетены рассказы о реальных людях, избравших Север своей судьбой, о первопроходцах и исследователях, чьи заслуги в деле изучения и освоения Арктики огромны, а мужество и самоотверженность – беспримерны. Много имен ученых, исследователей, летчиков, моряков. Это познавательный пласт, очень насыщенный фактами. Также здесь есть и моменты, говорящие о внутри- и внешне-политических проблемах нашей страны тех лет, а именно о войне, о репрессиях, ссылке в лагеря, угрозе американской экспансии в Сибири. В текст включено много цитат и фрагментов из других книг разных времен, чем они и интересны.

Роман «Последний мамонт» занял третье призовое место в номинации «Познавательная литература» премии «Книгуру» сезона 2012–2013 гг.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. С. БЕРЕЗИНА

КНИГИ

1. Группа Тревиля. – М. : АСТ/Астрель, 2011. – 340 с.
2. Диалоги. Никого не хотел обидеть. – М. : Гаятри/Livebook, 2008. – 242 с.
3. Поляков. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 336 с. – (Жизнь замечательных людей).
4. Последний мамонт. – М. : Paulsen, 2012. – 240 с.
5. Птица Карлсон : роман-пародия, эссе. – М. : АСТ/Астрель, 2011. – 318 с.
6. Путевые знаки. – М. : АСТ/Астрель, 2009. – 250 с.
7. Путь и шествие. – М. : АСТ/Астрель, 2010. – 302 с.
8. Свидетель. Роман. Рассказы. – СПб. : Лимбус-Пресс, 2001. – 440 с.
9. 俄罗斯新实验小说系列见证人, 俄]弗拉基米尔.别列津, 中国青年出版社. – 2003.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. А была ли девочка? [о повести Р. Сенчина «Чего вы хотите?») // Дружба народов. – 2013. – № 4. – С. 217–218.
2. А chi Italia? : рассказ // Октябрь. – 2001. – № 9. – С. 154–165.
3. Ажиотажная история : [размышления о лит.] // Октябрь. – 2000. – № 10. – С. 185–190.
4. Апология ошибки : [размышления о лит.] // Октябрь. – 2000. – № 8. – С. 185–188.
5. Без потери личного состава : рассказ // Москва. – 2010. – № 7. – С. 101–107.

6. Беллетристика : [размышления о рус. лит.] // Октябрь. – 2001. – № 4. – С. 186–189.
7. Биографический проект. Начало : [о кн. «Солдаты XX века»] // Октябрь. – 2001. – №8. – С. 154–155.
8. Вагнер и иконостас : эссе // Новая юность. – 1997. – № 5/6 (26/27). – С. 246–251.
9. Всё нормально : [размышления о лит.] // Октябрь. – 1999. – № 12. – С. 178–183.
10. Гетто и убежище : [о соврем. фантастике в лит.] // Кн. обозрение. – 2006. – № 48. – С. 18.
11. Динамо : публицист. ст. // Октябрь. – 2002. – № 4. – С. 163–165.
12. Дорога в Астапово: путевой роман // Новый мир. – 2010. – № 11. – С. 8–62.
13. Другой способ чтения : [размышления о лит.] // Октябрь. – 2003. – № 11. – С. 182–191.
14. Железный путь русской литературы : [размышления об образе паровоза в рус. лит.] // Октябрь. – 2001. – № 8. – С. 168–172.
15. Жидкое время : повесть клепсидры // Новый мир. – 2007. – № 8. – С. 10–59.
16. Зверьё : [об образах животных в лит.] // Октябрь. – 2000. – № 4. – С. 187–189.
17. Игра : [тема игры в лит.] // Октябрь. – 2000. – № 6. – С. 188–191.
18. Изображение слова : [о кн. А. Балдина «Протяжение точки. Литературные путешествия. Карамзин и Пушкин»] // Новый мир. – 2010. – № 2. – С. 187–191.
19. Календарная книга // Знамя. – 2008. – № 12. – С. 31–42.
20. Книжная полка Владимира Березина // Новый мир. – 2009. – № 5. – С. 188–194.
21. Книжная полка Владимира Березина // Новый мир. – 2010. – № 10. – С. 199–207.

22. Компромисс : [размышления о творчестве Б. Акунина и Л. Юзефовича] // Знание-сила. – 2004. – № 1. – С. 22–25.
23. Конспекты романов // Новый мир. – 1997. – № 5. – С. 211–213.
24. Кормление старого кота : рассказы // Новый мир. – 1995. – № 7. – С. 56–93.
25. Крестьянская работа : случай Александра Твардовского // Новый мир. – 2010. – № 6. – С. 172–182.
26. Кролик, или Вечер накануне Ивана Купалы : дачная повесть // Новый мир. – 2008. – № 8. – С. 28–59.
27. Крымский оборонный фэнфик : [размышления о лит.] // Новое лит. обозрение. – 2004. – № 6 (70). – С. 273–281.
28. Кусочность и непрерывность : [размышления о лит.] // Октябрь. – 2000. – № 12. – С. 183–185.
29. Левая и экстремальная литература : [размышления о лит.] // Октябрь. – 2000. – № 9. – С. 185–188.
30. Литература и война. Проза времён невсеобщей воинской обязанности // Знамя. – 2000. – № С. 3–5.
31. Настоящий авантюрист или Писатель нового типа? : [о творчестве В. Шкловского] // Лит. учёба. – 2013. – № 3. – С. 196–219.
32. Настоящий Чехов // Знамя. – 2010. – № 9. – С. 195–198.
33. Нежность бесприютного мира : повести разных времён // Новый мир. – 2009. – № 7. – С. 8–23.
34. Ностальгия : повесть утерянного времени // Новый мир. – 2008. – № 3. – С. 39–62.
35. О Твардовском // Новый мир. – 1996. – № 3. – С. 181–189.
36. Образ паровоза : [размышления об образе паровоза в рус. лит.] // Октябрь. – 2001. – № 10. – С. 182–185.
37. Однокурсники : отпускная повесть // Новый мир. – 2012. – № 4. – С. 11–45.
38. Отражённые сигналы : радиолокационная повесть // Новый мир. – 2013. – № 1. – С. 94–122.

39. Повесть о Рабле, или Лесопильщик // Новый мир. – 2009. – № 11. – С. 8–60.
40. После разочарования : [о кн. С. Витицкого «Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики» и «Бессильные мира»] // Новое лит. обозрение. – 2004. – № 3 (67). – С. 320–326.
41. Последний интеллигент : [об акад. Д. С. Лихачёве] // Кн. обозрение. – 2006. – № 48. – С. 15.
42. Превращение Воннегута : [о писателе К. Воннегута] // Новый мир. – 2010. – № 4. – С. 146–151.
43. Предвоенное // Новая юность. – 1998. – № 6 (33). – С. 174–186.
44. Путь и шествие : очерк : [об уходе Л. Толстого из Ясной Поляны] // Октябрь. – 2005. – № 8. – С. 182–185.
45. Сайнс fiction : [размышления о научной фантастике в лит.] // Октябрь. – 2001. – № 7. – С. 188–191.
46. Свидетель : роман // Знамя. – 1998. – № 7. – С. 7–90.
47. Символ женщины [размышления о лит.] // Октябрь. – 2000. – № 7. – С. 185–188.
48. Слово о Хаджи-Мурате : [размышления о лит.] // Октябрь. – 2001. – № 1. – С. 186–188.
49. Слово об Александре Грине // Нева. – 2006. – № 5. – С. 201–210.
50. Соглядатаи, клоуны и сценаристы // Знамя. – 2010. – № 12. – С. 172–177.
51. Сокровище : [тема ценности в лит.] // Октябрь. – 2000. – № 3. – С. 187–190.
52. Сорок пять слов : микроновеллы // Знамя. – 2010. – № 8. – С. 111–148.
53. Суеверие : [размышления о религии в соврем. мире] // Октябрь. 0 2001. – № 12. – С. 181–187.
54. Счастье : [размышления о романе А. Платонова «Счастливая Москва» и рассказе М. Шолохова «Судьба человека»] // Октябрь. – 2000. – № 11. – С. 186–189.

55. Табулатура : [размышления о лит.] // Октябрь. – 2001. – № 2. – С. 186–188.

56. Три Саломеи : [об образе Саломеи в искусстве] // Октябрь. – 2001. – № 3. – С. 181–184.

57. Тридцать девять слов : микроновеллы // Знамя. – 2003. – № ;. – С. 8–34.

58. Уличные голоса : [о романе А. Терехова «Каменный мост»] // Знамя. – 2010. – № 1. – С. 215–217.

59. Утопия : [о фантастике в лит.] // Октябрь. – 2001. – № 5. – С. 188–191.

60. Фантазмагория : [о кн. В. Отрошенко «Персона вне достоверности»] // Октябрь. – 2000. – № 11. – С. 153–155.

61. Фэнтези : [о генезисе фэнтези в лит.] // Октябрь. – 2001. – № 6. – С. 185–188.

62. Хроника нулевого года : рассказ // Октябрь. – 1997. – № 12. – С. 61–72.

63. Худые и толстые : [о героях книг Ю. Олеши «Зависть» и Н. Островского «Как залялась сталь»] // Октябрь. – 2001. – № 11. – С. 188–191.

64. Чужие вещи // Знамя. – 2009. – № 7. – С. 8–23.

65. Ядро конденсации : публицист. ст. // Октябрь. – 2005. – № 5. – С. 131–133.

ЛИТЕРАТУРА О ТВОРЧЕСТВЕ В. С. БЕРЕЗИНА

1. Галина, М. Книжная полка : [о кн. В. Березина «Путь и шествие» и «Птица Карлсон»] / М. Галина // Новый мир. – 2011. – № 5. – С. 201.

2. Костырко, С. Одиночество как образ жизни : [о кн. В. Березина «Свидетель»] / С. Костырко // Новый мир. – 2002. – № 4. – С. 162–165.

3. Штыпель, А. Книжная полка : [о кн. В. Березина «Диалоги. Никого не хотел обидеть»] / А. Штыпель // Новый мир. – 2009. – № 11. – С. 194–195.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Сергеевич Березин и его творчество.....	3
Произведения В.С. Березина.....	17
Литература о творчестве В.С. Березина.....	21

Для заметок

Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Тел/факс: (4162) 23-73-90

E-mail: aonb@tsl.ru
www.libamur.ru